

После приятного обтирания Линь Циньхэ почувствовала себя более уютно. Что касается ее волос, то она могла вымыть их после ужина, потому что сейчас ей надо было готовить ужин.

Чжоу Цинбай постучал в дверь и вошел, чтобы вылить воду. Он вытерся и почувствовал себя освеженным с головы до ног.

Вылив воду, он вошел. Линь Циньхэ посмотрела на него:

— Если все в порядке, как насчет того, чтобы поехать завтра в уездный город?

— Что ты собираешься купить? — кивнул и спросил Чжоу Цинбай.

— Ничего особенного. Просто сходить и посмотреть, есть ли там какие-нибудь закуски вроде красных фиников. Можно также купить немного ткани. Я отнесу ее старшей невестке, чтобы она сделала для тебя еще две рубашки, — ответила Линь Циньхэ.

— Ты будешь просить? — Чжоу Цинбай уставился на нее.

— Я не знаю, как это сделать. Все вещи мальчиков сделаны старшей невесткой, третьей невесткой и Чжоу Си, — сказала Линь Циньхэ.

— Я научу тебя, — настаивал Чжоу Цинбай.

— Ты умеешь шить одежду? — потрясенно произнесла Линь Циньхэ.

Чжоу Цинбай покачал головой:

— Нет.

Линь Циньхэ недовольно возразила:

— Как ты можешь учить меня, если не знаешь?

— Я знаю свой размер, я могу направлять тебя. Я буду носить их, независимо от того хорошо они получатся или нет, — Чжоу Цинбай не сводил с нее глаз, пока говорил.

Почему Линь Циньхэ услышала такой кокетливый привкус от этих обычных слов?

Но, слушая, как он это говорит, она не была вежливой и сказала:

— Если ты не будешь презирать и не боишься, что я буду тратить ткань, тогда я могу попробовать.

Первоначальный владелец могла сделать одежду, и шила ее по своему размеру, так что можно было попробовать.

В прошлый раз с мальчиками она боялась, что ткань испортится у нее в руках. Так как не было талонов на ткани, она беспокоилась, что потратит ткань напрасно.

Но теперь дома было много талонов, и она, естественно, не будет беспокоиться об этом. К тому же он сам сказал, что это было для нее, чтобы попрактиковаться.

Вечером они ели тыквенный рис.

Дава и его братья были особенно довольны едой дома. Когда их дедушка и бабушка хотели оставить их на обед в доме старого Чжоу, они бежали домой со всех ног.

После ужина Чжоу Цинбай сознательно собрал посуду и вымыл ее. Линь Циньхэ была вполне довольна его выступлением и проинструктировала его:

— Вскипяти позже еще один котелок воды и оботри трех мальчиков.

— Хорошо, — согласился Чжоу Цинбай.

Дава шепнул матери:

— Мама, почему папа моет посуду?

— Почему твой отец не может помыть посуду? — Линь Циньхэ встретила его вопрос холодной улыбкой.

— Потому что чужие отцы не моют посуду. Мои дяди тоже никогда этого не делали, — отозвался Дава.

— Это они. Твой отец с радостью это делает. Вы еще маленькие. Подождите до следующего года, и мытье посуды станет вашей работой, — заявила Линь Циньхэ.

— Мама, ты хочешь, чтобы я мыл посуду? — на лице Дава отразился шок.

— А что плохого в том, чтобы попросить тебя помыть посуду? Такой большой и даже не знаешь, как мыть миску. Разве ты не видел своего отца? — Линь Циньхэ говорила с сильным давлением,

несмотря на то, что сама была ленива.

— Никто другой этого не делает, — не удержался Чжоу Дава.

— У других людей нет такой еды, как у нас. Если ты хочешь быть их сыном, то иди. В нашей семье свои правила. Кроме того, твой отец делает это. Конечно, ты тоже должен это делать, — Линь Циньхэ твердо стояла на своем.

— Это работа девочек. Если кто-нибудь узнает об этом, то будут смеяться над старшим братом, — вмешался Эрва. — «Даже меня это коснется».

— Твой отец помогает маме мыть посуду. Это доказывает, что он хороший человек. Зная, что маме нелегко управлять всей семьей, он охотно помогает маме делать некоторые домашние дела. Вы помогаете матери мыть посуду, что свидетельствует о сыновнем отношении к матери. Ты же знаешь, что мама родила вас только троих мальчиков и ни одной девочки. Поэтому вы должны быть готовы мыть посуду для матери, чтобы облегчить жить матери. Почему они должны смеяться над тобой? — сказала Линь Циньхэ.

Чжоу Дава был ошеломлен тем, что она сказала, и вообще не мог ничего опровергнуть.

— Если есть возражения, вы можешь опровергнуть мои правила. Вы можете поспорить со мной. Но если вы не сможете победить меня, то будете мыть посуду по очереди, — заявила Линь Циньхэ.

— Мама, мне всего четыре года! — Чжоу Эрва немедленно возразил.

— После нового года тебе исполнится пять лет. Когда тебе исполнится шесть лет, ты будешь мыть вместе со своим старшим братом. Мама знает, что вы хорошие сыновние дети, и будет продолжать давать вам вкусную еду в будущем.

Эрва мгновенно ожесточился.

— Тебе еще далеко до шести лет. О чем ты беспокоишься? — Линь Циньхэ ткнула пальцем в его маленькое личико.

— Мама, мне не нужно мыть посуду, — Эрва наклонился и задумал прикинуться милашкой.

— Мама готовит вкусные блюда, а ты не хочешь помыть несколько тарелок для мамы? — Линь Циньхэ удивленно посмотрела на него, как будто была немного разочарована.

Испуганный Эрва поспешно сказал:

— Тогда я буду мыть посуду для мамы, когда вырасту.

— Я знала, что мой Эрва очень послушен, — удовлетворенно произнесла Линь Циньхэ.

Дава вздохнул:

— Мама, почему все выглядит так, будто ты наша мачеха?

— Да. Мачеха сшила бы вам, братьям, новую одежду и хлопчатобумажные пальто. Мачеха купила бы вам новые шапки. По одной на человека. Мачеха готовила бы для вас каждый день разные блюда. Я не знаю, кто в деревне хочет, чтобы я была их мачехой, — возразила Линь Циньхэ.

— Хи-хи, я шучу, — немедленно сказал Чжоу Дава.

Саньва бросился к ним. Его рот требовал конфет. Это означало, что он хочет съесть конфету «белый кролик».

Линь Циньхэ указала:

— Нельзя есть конфеты сразу после еды. Подожди до завтра.

Из трех упаковок конфет «белый кролик», которые она купила в прошлый раз, дома остались только две. Три брата уже съели одну пачку.

Саньва все еще требовал еды, и Линь Циньхэ пошла нарезать яблоко, чтобы он его поел. Он успокоился, как только что-то было засунуто ему в рот.

Линь Циньхэ позволила братьям играть на печи, а сама продолжала вязать.

Чжоу Цинбай, который мыл посуду, слышал смех детей в комнате, а также ее случайные шутки. Его сердце не могло быть теплее.

Вымыв посуду, он зачерпнул горячей воды и подошел, чтобы обтереть их. Каждый раз, когда он вытирал их, он сажал их на маленький стул, чтобы они замочили ноги в воде.

Дети были вымыты Чжоу Цинбаем. Линь Циньхэ наблюдала за ними, пока вязала шерстяные штаны. Она не вмешивалась.

Но она обратила на них внимание. Хотя Чжоу Цинбай почти не разговаривал, у него все еще был потенциал отца-домоседа. Он тщательно заботился о детях.

Вымыв им ноги и высушив их, он понес их всех на печь.

Затем он принес Линь Циньхэ ванночку для ног и позволил ей попарить ноги. Линь Циньхэ не колебалась.

— Завтра, когда будешь в уездном городе, проверь, нет ли там ручек и бумаги. Купи немного для Дава. Ему семь лет после нового года, и его можно отправить в команду на учебу.

— Хорошо, — согласился Чжоу Цинбай.

Дава крикнул из другой комнаты:

— Учиться? Зачем учиться? В следующем году я планирую поехать с отцом зарабатывать рабочие баллы!

— Заработать рабочие баллы во время учебы не проблема, — сказала Линь Циньхэ.

— Я не пойду! — тут же поддержал Дава.

— А почему бы и нет? — спросил Линь Циньхэ.

— Учиться бесполезно! — Дава застонал.

— Учиться бесполезно? Откуда вы это услышали? — Линь Циньхэ уставилась на него.

— Моя вторая тетя. Она сказала, что учиться бесполезно. Разве эта городская образованная молодежь тоже не училась? Они по-прежнему работают в сельской местности, — сказал Дава.

— Их отец, принеси перо и бумагу, — приказала Линь Циньхэ Чжоу Цинбаю.